

План Хань Чжана по завоеванию сердца был полностью готов.

А тем временем в усадьбе Шэнь...

Хотя Шэнь Цинлань и не сдержал своего обещания о встрече, его мысли всё равно продолжали возвращаться к Хань Чжану. Особенно после того, как хозяин Ван передал ему музыкальную шкатулку, мыльную воду и продолжение «Записок о двух душах», забыть этого человека стало попросту невозможно.

А причина тому была лишь одна. Финал «Записок о двух душах» оказался трагическим!

Да и мелодия, которую играла шкатулка, была до слёз пронзительной!

Шэнь Цинлань и без того горевал из-за того, что не сможет больше видаться с Хань Чжаном, а тут ещё трагическая история и печальная музыка. Это было словно двойной удар под дых, от которого его глаза распухли до размеров перепелиных яиц.

— У-у-у, какой же брат Хань жестокий! Слишком уж мучительно, слишком...

— Я же прямо сказал ему, что хочу, чтобы сюцай Чжан и гэр Лэ были счастливы вместе, так зачем же ему было убивать Лэ? Зачем заставлять Чжана жить в одиночестве тысячу лет? Зачем было сводить их вместе, чтобы тут же разлучить навеки, у-у-у...

И всё это, разумеется, было задумано Хань Чжаном не просто так. Финал «Записок о двух душах» он намеренно списал с популярного в его прошлой жизни фильма «Миф».

В продолжении истории... хотя сюцай Чжан и занял почётное место в золотом списке, гэр Лэ за несколько дней до его возвращения был вынужден родителями выйти замуж за нелюбимого и повесился.

Сюцай Чжан тоже хотел последовать за ним в мир мёртвых, но его подхватил безумный лекарь, сделавший его подопытным для своих снадобий, и по нелепой случайности Чжан обрёл бессмертие.

В итоге, не в силах обрести желанную смерть, Чжан был вынужден влачить своё существование, охраняя гробницу Лэ в полном одиночестве на протяжении тысячи лет.

Тысячу лет спустя.

Группа людей случайно забрела в гробницу Лэ, и среди них оказалось знакомое лицо, сам Лэ, переродившийся в новом теле!

Казалось бы, небеса сжалились над ними и дали шанс воссоединить разорванные нити судьбы.

Но кто бы мог подумать, что их новая встреча обернется вечной разлукой.

Покидая гробницу, чтобы спасти Лэ, сюцай Чжан случайно нейтрализовал действие снадобья в своём теле, лишившись чудесного бессмертия. Его облик начал стремительно стареть, а жизненный срок подошёл к концу...

В прошлой жизни их разлучили воля родителей и слово свахи, разбившие их любовь вдребезги!

А в этой жизни их постигла иная участь. «Когда ты родился, меня ещё не было; когда я родилась, ты уже был стар. Ты сожалеешь, что я родилась так поздно, а я сожалею, что ты родился так рано!»

От такой истории и вправду можно было рыдать до упаду.

И не только Шэнь Цинлань, но даже его четверо личных слуг, Цяодун, Цяоси, Цяонань и Цяобэй, прочитав продолжение, ходили с глазами, распухшими, как у золотых рыбок.

Чем веселее была первая часть истории, тем невыносимее казалась вторая.

Этот сюцай Хань и вправду перешёл все границы, как можно было написать такое? Просто руки чешутся его прикончить.

Вот так-то... Шэнь Цинлань и вправду «помнил» о Хань Чжане каждый божий день, да так, что забыть его было просто невозможно!

Впрочем, какой бы душераздирающей ни была история и как бы ни горевал Шэнь Цинлань, это ничуть не мешало его отменному аппетиту.

Прослышав, что в лавке Бабао снова подаются свежие сладости, молодой гэр радостно переоделся в мужское платье и, прихватив с собой слуг, отправился гулять, есть и веселиться.

Лавка Бабао находилась вплотную к цветочной лавке.

Шэнь Цинлань по привычке занял кабинку у окна, выходящего на улицу, и, уплетая пирожные, лениво наблюдал за прохожими.

Так что, разумеется, его взору открылась и картина того, как сюцай Ло заявился в цветочную лавку, чтобы насмехаться и издеваться над Хань Чжаном.

...

У входа в цветочную лавку.

Сюцай Ло вместе с несколькими приятелями-однокашниками нарочно преградил путь Хань Чжану, который как раз переносил цветочные горшки.

— Ой, да кто это у нас! Не иначе как наш знаменитый на всю академию талант, господин Хань!

— Брат Хань, ещё вчера наставник хвалил твой почерк, говоря, что от него веет ароматом цветов, так почему же сегодня ты прибежал в цветочную лавку заниматься черновой работой, таскать горшки и мешать удобрения? А ну как повредишь руки, как же ты будешь сдавать экзамены в следующем году?

— Неужели брат Хань оказался в столь тяжёлом положении? Если это так, то мы ведь одноклассники, и если у тебя есть трудности, можешь смело обратиться к нам. Зачем же, из ложного стыда и гордости, браться за такую грязную работу и портить себе будущее?

Они подхватывали реплики друг друга, сыпля насмешками.

Наконец вперёд выступил сюцай Ло и, приняв нарочито сочувствующий вид, произнёс.

— Эх, братья не знают, но в семье господина Ханя в последние дни случилось немало бед. До меня дошли слухи, что его родня прогневала какого-то знатного господина, и у всего клана забрали арендованные земли. Теперь им едва хватает на пропитание, и боюсь, содержать господина Ханя в учёбе им больше не по силам.

— Мы ведь тоже не из богатых семей, все мы выходцы из бедных родов, так что, думаю, брат Хань просто не хочет обременять нас своей бедой, раз не обратился за помощью...

Лицо его выражало глубокое сочувствие, и, казалось бы, он заступался, но на деле лишь выставлял напоказ бедственное положение Хань Чжана.

Сюцай, прогнавший знатного господина и потерявший возможность продолжать сдавать экзамены, был не самой завидной партией для знакомства. Сблизиться с ним и не получить никакой выгоды было ещё полбеды, куда страшнее было навлечь на себя гнев того самого влиятельного покровителя.

В столице, под самым небесным сводом, Хань Чжан всё ещё носил звание сюцая, и как бы сильно сюцай Ло его ни ненавидел, он не смел действовать открыто, ибо у него не хватало власти.

Зато он мог убивать мягким ножом, например, велеть семье тестя, господину Суну, повысить арендную плату.

Или же, как сейчас, выставить напоказ положение Хань Чжана, чтобы те, кто заискивал перед ним из-за его учёного звания, испугались быть втянутыми в неприятности и отвернулись, оставив его без поддержки, чтобы он так и остался бедным сюцаем без шансов на возрождение.

План был грубым, но весьма действенным.

Стремление льстить сильным и избегать неприятностей свойственно человеческой натуре, особенно в мире с его жёсткой иерархией.

И действительно, едва хозяин цветочной лавки услышал, что семья Хань Чжана умудрилась прогневить знатного господина, как его лицо мгновенно изменилось!

Однако Хань Чжан ничуть не дрогнул и, едва усмехнувшись, тут же дал ему отпор.

— И какого же знатного господина прогневала моя семья? Не иначе как тебя, брат Ло? Ты ведь зять господина Суна. Неужели ты не в курсе, что семья Сун отобрала арендованные земли у моего клана? Если ты в курсе, то твоё сегодняшнее поведение это лишь торжество ничтожества над павшим. А если не в курсе... раз такая важная вещь скрыта от тебя, неужели ты не женился на госпоже Сун, а стал зятем, вошедшим в их дом?

Произнося эти слова, Хань Чжан тайно направил свою способность, чтобы ускорить рост цветка, спрятанного в его рукаве.

Действие этого растения было предельно простым. Оно стимулировало и обостряло эмоции, заставляя гнев затуманивать разум...

И эффект не заставил себя ждать.

Глаза сюцая Ло прямо на месте налились кровью от ярости.

Он-то мог издеваться над Хань Чжаном, но как у того хватило дерзости открыто ему перечить?

Его тесть господин Сун, а двоюродный брат господина Суна служит чиновником шестого ранга. Как этот негодяй Хань посмел?

Неужели он не боится мести?

Почувствовав на себе взгляды окружающих, сюцай Ло с мрачным лицом рявкнул.

— Хань Чжан, не смей нести чушь! Я, Ло Ин, законный муж, неужели я стал бы зятем, вошедшим в чужой дом! А то, что у твоей семьи забрали земли, верно, произошло потому, что твои родичи сами виноваты. Сегодня я случайно встретил тебя и, движимый чувством товарищества, хотел по-доброму осведомиться о твоих делах, а ты из зависти клеветешь на меня. Это ли не ответ черной неблагодарностью на добро!

Несколько учёных, пришедших с ним, тоже не любили Хань Чжана и, услышав такие слова, естественно, тут же подхватили.

— Брат Хань, мы лишь из добрых побуждений беспокоились о тебе и не имели дурных мыслей, зачем же ты так несправедливо нас подозреваешь? Это совсем не подобает благородному мужу.

— Хань Чжан, мы хотели помочь, а ты не только не ценишь добра, но ещё и сыплешь оскорблениями. Ты и вправду словно та собака, что кусает своего благодетеля, не распознав доброго сердца!

— Земли принадлежат господину Суну, и повышение арендной платы хозяином это вполне обычное и законное дело. Брат Хань затаил на это обиду и теперь клеветает на господина Суна, портя его репутацию. И вправду смельчак!

Они перебивали друг друга, навешивая ярлыки и бросая скрытые угрозы.

И как бы яростно Хань Чжан ни отбивался, как он мог один перекричать четверых?

Ситуация постепенно складывалась против него.

Простые люди вокруг и хозяин цветочной лавки, даже видя, что эти парни нарочно издеваются над Хань Чжаном, не смели вступить в его защиту, зная, что за спиной сюцай Ло стоит влиятельный покровитель.

...

Хань Чжан стоял в центре толпы в полном одиночестве.

Взгляды, брошенные на него со всех сторон, жалили, словно иголки, а вокруг звучали насмешки и издёвки.

И хотя он по-прежнему держал спину прямо, его руки, сжатые в кулаки и спрятанные в рукавах, а также мимолётная тень отчаяния, мелькнувшая под опущенными ресницами, всё же

выдали его невозможно скрытое одиночество и тоску.

И это было просто до смерти жалко Шэнь Цинланю, который наблюдал за этой сценой из кабинки на втором этаже соседнего здания.

— Брат Хань чист, как ветер и луна, безупречен, как истинный муж, и полон таланта. Он лишь временно оказался в беде из-за бедности своей семьи, как эти люди смеют так его оскорблять? Это просто возмутительно! Я непременно хочу узнать, каким таким влиянием обладает этот сюцай Ло, раз осмеливается вести себя столь нагло в самой столице!

Шэнь Цинланю было до боли жаль видеть, как унижают Хань Чжана. Он сдерживал себя изо всех сил, но в конце концов не выдержал и стремглав бросился вниз по лестнице.

Цяодун и Цяоси пытались окликнуть его сзади, но тщетно:

— Молодой господин, молодой господин...

И вот, как раз в тот момент, когда сюцай Ло и его приятели достигли пика своего злорадства, Шэнь Цинлань стремительно подлетел к ним, заслонил собой Хань Чжана и гневно бросил им вызов:

— Я наблюдал за всем этим спектаклем с самого начала, и должен заметить, господин Ло, вы ведете себя чересчур нагло! Позвольте поинтересоваться, какой чин носит ваш тесть и в каком ведомстве он служит, раз позволяет вам переворачивать с ног на голову истину прямо под носом у императора и открыто унижать человека, носящего такое же звание сюцай, как и вы?

— Вы... вы кто такой?

Увидев Шэнь Цинланя в роскошном одеянии и сапогах из тончайшего шелка, сюцай Ло и его приятели мгновенно поняли, что перед ними не простой смертный. Их напускная спесь тут же померкла, и они задали свой вопрос с явной тревогой в голосе.

Шэнь Цинлань не был настолько глуп, чтобы раскрывать свое происхождение, ведь его отец занимал всего лишь пятый ранг. К тому же, он был гэром, переодетым в мужчину, и малейшая оплошность могла привести к фатальному разоблачению.

Поэтому он нарочно принял вид избалованного богача и, уповая на чужой авторитет, презрительно фыркнул:

— Ты еще не заслужил права знать, кто я такой! Живо назови полное имя своего тестя, и я посмотрю, какой старый негодяй дает тебе такую смелость, что ты позволяешь себе наглеть даже больше, чем я!

Произнося эти слова, он высокомерно задрал подбородок, а его лицо исказилось в гримасе полного пренебрежения. Он скопировал манеры столичных повес из знатных семей с абсолютной, доведенной до совершенства точностью.

Сюцай Ло и его компания, лишенные должной проницательности, даже не заподозрили подвоха. К тому же двоюродный брат управляющего Суна был всего лишь чиновником шестого ранга, настоящей мелкой сошкой в столице. Опираясь на эту шаткую власть, он мог позволить себе травить земляка Хань Чжана, но связываться с кем-то другим он бы ни за что не рискнул.

Пока сюцай Ло терзался сомнениями, Шэнь Цинлань излучал непоколебимую уверенность. Не решаясь идти на риск, сюцай Ло в конце концов лишь густо покраснел и, желая сохранить хоть каплю достоинства, бросил напоследок:

— Летним насекомым не дано рассуждать о льде!

После чего он вместе с приятелями поспешно ретировался.

— Тьфу, настоящий трус, что боится сильных и обижает слабых, мелкая душонка, возомнившая о себе невесть что, — с презрением бросил им вслед Шэнь Цинлань.

И лишь после этого он обернулся к Хань Чжану. Его выражение лица стало нерешительным, а в глазах читалась явная вина.

— Эм... брат Хань, д-давно не виделись. — произнес он.

В прошлый раз, желая оборвать зарождающиеся чувства и полностью прекратить общение, он поручил хозяину Вану передать такие слова, которые не оставляли места для двусмысленности. Учитывая проницательность брата Ханя, тот наверняка уловил скрытый намек на желание разорвать отношения. И вот теперь он сам же лезет к нему навстречу... Неловкость от этой ситуации просто зашкаливала!